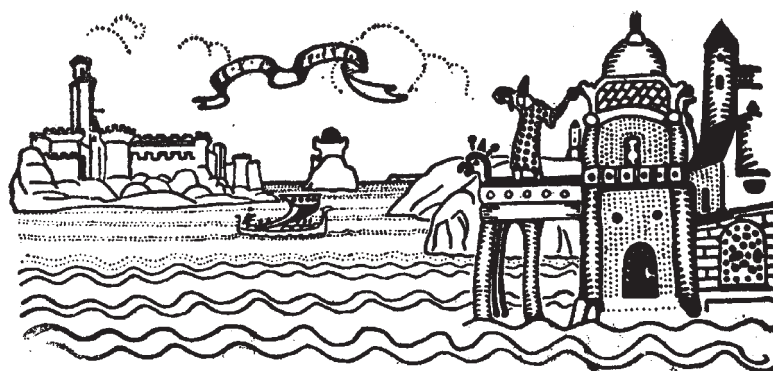

Институт Лиги Культуры
и социального содружества
Одесский Дом-Музей имени Н. К. Рериха

Лига Культуры

№ 4 / 2014

Одесса
Астропринт
2014

ЛИГА КУЛЬТУРЫ. 2014. Выпуск 4

Журнал выходит 2 раза в год
Основан в декабре 2000 года
Учредители: Институт Лиги Культуры
и социального содружества
Одесский Дом-Музей имени Н. К. Рериха
Украина—Израиль

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Татьяна Слонимская. Израиль

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственные редакторы:

Елена Петренко
Татьяна Слонимская

Алексей Гобжелянов. Украина
Надежда Егорова. Россия
Владимир Ничипорук. Украина
Николай Палтышев. Украина
Елена Петренко. Украина
Галина Петрова. Россия
Галина Подольская. Израиль
Надежда Полунина. Россия
Наталья Порожнякова. Украина
Ольга Тарасенко. Украина
Амир Хисамутдинов. Россия
Татьяна Яцюк. Израиль

Оформление:

Елена Петренко. Украина
Татьяна Слонимская. Израиль

Составление:

Вячеслав Жердецкий. Украина
Елена Петренко. Украина
Татьяна Слонимская. Израиль

Компьютерная верстка и графика:

Вячеслав Жердецкий. Украина

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке статей ссылка
на журнал «Лига Культуры» обязательна.
Первая страница обложки: Н. К. Рерих. Виньетка к журналу
«Золотое Руно» «Город Леденец».
Четвертая страница обложки: Иерусалим.
В заставках использована графика и произведения
живописи Н. К. Рериха.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Украина:
ул. Б. Арнаутская, 47. Одесса, 65012, Украина.
Тел.: (048) 715 58 58; (048) 728 77 56
E-mail: roerich.house@gmail.com;
http: //www.odessa-roerich-house.od.ua
Израиль:
E-mail: rada-st@yandex.ru

Свідчення про державну реєстрацію друкованого засобу масової
інформації серія ОД № 659 від 23.11.2000 р.
Тираж 150 прим. Зам. № 81

Надруковано у друкарні видавництва «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua
свідчення суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Слонимская. Израиль. ОТ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА.....4

Николай Рерих. НОВАЯ ЭРА.....8

МИР

Николай Рерих. ЗНАМЯ МИРА.....12

Юрий Письмак. Украина. ПАКТ РЕРИХА И ЕГО
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ
ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....14

Людмила Толстихина. Россия. КОЛОКОЛ
МИРА ЗВУЧИТ НАД ПЛАНЕТОЙ.....18

ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Николай Рерих. МОЛОДЕЖЬ.....22

Елена Рерих. ПИСЬМА Е. И. РЕРИХ.....24

НАУКА

Николай Рерих. УРУСВАТИ.....30

АСТРОНОМИЯ

Елена Рерих. КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ.....32

Алексей Пахомов. Россия. НАБЛЮДЕНИЕ
ПРОХОЖДЕНИЯ ВЕНЕРЫ ПО ДИСКУ СОЛНЦА.....33

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Николай Рерих. ОТКРЫТЫЕ ВРАТА.....40

Юрий Рерих. РАСЦВЕТ ОРИЕНТАЛИЗМА.....42

ВОСПОМИНАНИЯ

Елена Семека. США. ДВА ГОДА С ЮРИЕМ
РЕРИХОМ.....45

Александр Сыркин. Израиль. ИЗ ПРОШЛОГО.....48

ГИДРОГЕОЛОГИЯ

Николай Рерих. ДА ПРОЦВЕТУТ ПУСТЫНИ.....49

Марина Грачева. Россия. НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ
ИСТОЧНИК.....51

ПСИХОЛОГИЯ

Николай Рерих. ОДЕЯНИЕ ДУХА.....56

Александра Самойленко. Украина. ДИАЛОГИЧЕ-
СКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КАТАРСИСА: К МУЗЫКО-
ВЕДЧЕСКОЙ ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО «ОЧИЩЕНИЯ».....58

ИСКУССТВО

Николай Рерих. ТЬМА ПРОТИВ СВЕТА.....64

МУЗЫКА

Николай Рерих. ВЕНОК ДЯГИЛЕВУ.....66

Елена Огнева. Украина. ВОСТОК ИГОРЯ СТРАВИНСКОГО.....68

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Николай Рерих. ЦЕННОСТЬ ПРЕКРАСНОГО.....75

Наталья Порожнякова. Украина. ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....77

Татьяна Белецкая. Украина. ТРАДИЦИЯ МОЗАИЧНОГО ДЕЛА В РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. К. РЕРИХА.....81

Татьяна Касинова. Россия. ТЕМА СВЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕОФАНА ГРЕКА.....84

Евгений Котляр. Украина. ОТ ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННОСТИ: СИНАГОГИ КАК СИМВОЛЫ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ.....87

Надежда Полунина. Россия. «ПРИЯТНЕЙШАЯ ТЕНЬ», ИЛИ ИСКУССТВО СИЛУЭТА.....92

Галина Подольская. Израиль. Я ОТКРЫЛ ДЛЯ СЕБЯ ИЕРУСАЛИМ ШАГАЛА.....100

Татьяна Яцюк. Израиль. ОБОЖЖЕННАЯ ПАМЯТЬ ШАГАЛА.....109

Галина Подольская. Израиль. ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ АЛЬБОМА ВЫСТАВОК В ИЗРАИЛЕ.....113

ТЕАТР

Николай Рерих. ДЕЙСТВИЕ.....123

Злата Зарецкая. Израиль. КОД МАСТЕРА.....125

ВОСПИТАНИЕ

Николай Рерих. ТВОРЯЩАЯ МЫСЛЬ. Обращение к студентам Ховарда Джайльса 132

Галина Лекарева-Никитина. ОБУЧЕНИЕ ИСКУССТВУ.....135

КООПЕРАЦИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Николай Рерих. КРЫЛЬЯ.....138

Анна Глазова. Украина. ИНВЕСТИЦИЯ РЕАЛЬНА.....140

Елена Жулицкая. Украина. СТИМУЛ ЭКОНОМИЧЕ-

СКОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВ. Опыт американских музеев. Часть 1.....142

Галина Петрова. Россия. ШЕДЕВРЫ АСТРАХАНСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ. Русская художественная критика начала XX века.....149

Валентина Чайковская. «ДУХОВНЫЕ СЕМЕНА» РИШОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.....153

ОХРАНА И БЕЗОПАСНОСТЬ

Николай Рерих. СОКРОВИЩЕ ДОМА.....158

Наталья Гарина, Татьяна Цицелко. Украина. ЮБИЛЕЙНАЯ ИСТОРИЯ. Одесской национальной медицинской библиотеке – 110 лет.....159

Надежда Егорова. Россия. БИБЛИОТЕКА ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА.....162

Раиса Шиллилат. Германия. ВЗГЛЯД ИЗ ЗАРУБЕЖЬЯ.....167

Вероника Лещинская. Россия. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: НЕСКОЛЬКО ШАГОВ К ПОНИМАНИЮ ПОНЯТИЯ. Роль библиотек России в формировании экологической культуры.....168

Кирилл Шапошников. Россия. У ИСТОКОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. Страницы истории Чертковской библиотеки, 1863–1887 гг.....172

Амир Хисамутдинов. Россия. ФИЛИППИНЫ, ТУБАБАО: Русские издания на пути к Америке.....179

ИЗ АРХИВА

Николай Рерих. ПИСЬМА Н. К. РЕРИХА К ДЖ. Э. ШРАКУ.....183

Елена Петренко. Украина. БУДЕМ ВСЕГДА НАПРАВЛЯТЬ НАШИ МЫСЛИ НА БЛАГОЕ, НА ПРЕКРАСНОЕ!.....184

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Николай Рерих. МАТЕРИ ГОРОДОВ.....192

Виктор Кинус. Израиль. АРХИТЕКТУРА В ИЗРАИЛЕ. Тель-Авив, дом Полищука на площади Маген-Давид.....195

МЕДИЦИНА

Николай Рерих. БОЛЕЗНЬ КЛЕВЕТЫ.....204

Владимир Ничипорук. Украина. НА ЛЕТО – ВЕГЕТАРИАНЦЫ.....206

НАШИ АВТОРЫ.....208

ДВА ГОДА С ЮРИЕМ РЕРИХОМ

Более полстолетия прошло с того памятного события, которое в своем замечательном интервью о Юрии Николаевиче Рерихе Александр Моисеевич Пятигорский справедливо назвал «эффект Рериха». Все мы, кому посчастливилось соприкоснуться с этим замечательным человеком близко или даже поверхностно, испытали на себе действие этого эффекта, изменившего взгляды на себя, на свое место в жизни, на отношение к тому делу, которому отдали в результате лучшие годы своей творческой жизни.

До сих пор я избегала писать воспоминания о Рерихе, так как по моему убеждению все рассказы об этом человеке неизбежно превращаются в то, что мы в семье называем «я и Вандомская колонна» (польская карикатура 1960-х годов – человек шлет фотографию, сделанную в Париже. На фотографии он стоит у подножья огромной колонны и соответствующая надпись). Избежать этого нельзя, так как для тех, кто работал с Юрием Николаевичем, было очевидно: влияние его было жизненно формирующим, целиком и на всю жизнь преобразующим.

Однако круг замкнулся, я почти единственная, кто еще жив и кто помнит все, как будто бы это было вчера. Передо мной лежит фотография – заседание, посвященное памяти Юрия Николаевича, в его мемориальном кабинете (может быть, по случаю его открытия).

Все началось, как кажется, со счастливой случайности (было ли это случайностью, не мне решать). Но, прежде чем рассказать о моей встрече с Юрием Николаевичем, позволю несколько слов о себе. Было время, когда после педагогического факультета МГУ я работала в библиотеке Академии Наук, выполняя техническую работу. Случайно меня перевели в отдел Востока, случайно это совпало с 2500-летним юбилеем буддизма. В библиотеку стали приходить книги по буддизму, которые меня заинтересовали. Я стала их читать, написала пару рецензий (набравшись наглости), стала посещать уроки хинди, которые вела в университете Таня Елизаренкова. Вскоре из библиотеки мне пришлось уйти и, оставив библиотеку, я попыталась поступить в аспирантуру Института востоковедения по древней истории Востока.

Не поступив в силу определенных обстоятельств, я стала пытаться получить любую работу в том же институте. Вскоре в один прекрасный день (1958) меня вызвали в дирекцию и сообщили о возвращении в Россию знаменитого ученого-тибетолога и индолога Юрия Николаевича Рериха (ничего о нем я, естественно, не знала) и спросили, не хочу ли я быть его секретарем?! Этот день был днем моего настоящего рождения, день, изменивший ход и характер всей моей жизни. Я никогда не узнала, кому принадлежала эта гениальная мысль и понимал ли этот человек, какую великую услугу он мне оказал.

Позднее я узнала, что, когда Рериху сообщили, что некая молодая, ничем доселе себя не проявившая особа назначается его секретарем, он логически решил (ему рассказывали и объясняли), что я была тем «шпиком»,

который должен был следить и доносить на него. В библиотеке, где я работала, были старушки с голубыми волосами (мы называли их «осколки разбитого вдребезги»), знавшие семью Рерихов еще с дореволюционных времен, они успокоили его, сказав, что политически я на самом скверном счету в партийных кругах и что он может не беспокоиться и полностью доверять мне. Доверие было установлено, я стала его окном в непонятную, непостижимую для него советскую действительность.

До конца им непонятое было то, что диссертации, посвященные вчерашним героям (например, Неру), друзьям и соратникам советского народа, при внезапной перемене политики могли быть чуть ли не на завтра переписаны с обратным знаком, и вчерашний герой становился сегодняшним врагом. Все могло быть вывернуто наизнанку, поставлено с ног на голову и без всякого стеснения снова вручено Юрию Николаевичу на отзыв. Я пыталась объяснить ему правила циничной политической игры. «Но как же это возможно, – говорил он растерянно и огорченно, – но ведь существует же научная истина?!» Да простится мне этот грех, я не могла не рассмеяться.

Как-то, узнав, что против меня замыслились козни на основании анонимного письма-доноса, Юрий Николаевич, с присущим ему благородным гневом, заметил: «Уважающий себя человек не читает “подметные письма”, он, не распечатав, бросает их в камин». Ну что на это скажешь? Мы выросли в определенной системе, мы могли не любить ее, но, по крайней мере, мы знали, с чем имели дело. И в этом была наша защита, наш иммунитет. Он же был человек не здешний, незащищенный. К тому же в интересах дела безотказный. Этой безотказностью беззастенчиво пользовались все, кому не лень. Диссертации на отзыв приносились ему горами, он все прочитывал, на все писал отзывы, хотя большинство материалов не заслуживало ни его внимания, ни его драгоценного времени.

Нам, молодым его девочкам и мальчикам, кроме преподавания языков и толкования труднейших буддийских текстов, он всячески старался помогать, выручать из затруднительных ситуаций. Проработав со мной какое-то время, Юрий Николаевич решил, что я достойна продвижения, он не хотел, чтобы я оставалась в роли его секретаря. Надо было получить звание младшего научного сотрудника. Представив бумаги на мое повышение и считая, что вопрос решен, он согласился на перевод в сектор Наташи Лубоцкой, которая должна была меня заменить. Но не тут-то было. Мое неортодоксальное поведение, тянувшееся за мной еще из библиотеки, привело к тому, что в стенной газетенке появилась статейка (конечно, анонимная) о том, что я – злостный нарушитель трудовой дисциплины, а выразилось это в том, что я систематически опаздывала на работу после обещанного перерыва. Мне даже не пришлось в голову просить Рериха о помощи. Он сам, ничего мне не сказав, отправился в дирекцию, чтобы сообщить о том, что опоз-

дания – это следствие его ко мне поручений. Мне же он объяснил, что ему абсолютно неважно, где и когда я выполняю эти поручения, важно то, что я выполняю их и выполняю хорошо.

Звание младшего научного сотрудника мне дали. Что касается заданий Юрия Николаевича, то не выполнить их нам не мыслилось. Часто, особенно поначалу, я попадала в затруднительную ситуацию. Для Юрия Николаевича было аксиомой: если в анкете в рубрике «знание иностранных языков» у тебя написано, например, «английский» – это означало совершенное им владение. Закончив вечерние курсы по изучению английского языка, я могла более или менее читать и на это можно было рассчитывать. Так однажды, в самом начале нашей совместной работы, Рерих дал мне страниц десять своей биографии и список публикаций и попросил все это перевести с английского языка на русский, дав на это два дня. Через 48 часов непрерывной работы дело было сделано.

Как складывались наши отношения? Понимая всю уязвимость человека другого мира, другой культуры или культур (как верно отметил Пятигорский), я всячески старалась уберечь его от жестокости и грубости. Разрушительная сила данной реальности для личности без иммунитета, который у нас вырабатывался с детства, – велика, оттого и сделать это было чрезвычайно трудно – Юрий Николаевич был распахнут всем, он не прятался от действительности, шел ей навстречу и получал один удар за другим.

До приезда в СССР ему обещали все и дали кое-что. Вместо отдела в Институте востоковедения дали крошечный сектор, небольшую квартиру на Ленинском проспекте, зато обещанного музея для картин отца – Николая Константиновича Рериха Юрий Николаевич так и не дождался. Массу времени пришлось проводить в хлопотах о выставках (Николай Константинович стремился, чтобы его картины вернулись «на родину»), в подготовке публикаций и прочих делах, связанных с творческим наследием отца, считая эти задачи наиважнейшими.

В институте наш сектор религий и философии Индии – истинное чудо – находился на втором этаже старинного здания Дома армянской культуры в Армянском переулке. Комнатка была совсем маленькая. В ней стоял большой письменный стол Рериха и еще несколько столов, за одним из которых я сидела лицом к лицу с Юрием Николаевичем. Было тесно! Думаю, ему никогда не приходилось работать в таких условиях. Официальных сотрудников было всего несколько: Саша Пятигорский, Октябрина Волкова и я. Позднее, в бытность моей аспирантуры, к нам перешла Наташа Лубоцкая. Было еще несколько аспирантов и аспиранток. На самом деле административные границы сектора были гибкими, к нам быстро присоединились такие талантливые лингвисты и санскритологи, как Татьяна Яковлевна Елизаренкова и другие.

Начались занятия санскритом (мне самоучке приходилось работать больше всех), их вел сам Юрий Николаевич. Была создана комиссия по изданию перевода с санскрита Махабхараты, сделанного академиком Смир-

новым в Ашхабаде. Перевод был весьма субъективный, подчас странный. Комиссия проверяла его (была строга), многое исправляла. Текст изобиловал наитруднейшими местами, требовавшими толкования. Мы просили живали над ним часами, я таскала домой толстые рукописи. Обращаясь ко мне по имени и отчеству, Юрий Николаевич спрашивал мое мнение. Я понимала, что абсолютно не заслуживала ни его внимания, ни интереса к моему «мнению», но таков был этот гость из другого мира, и я старалась изо всех сил заслужить его доверие.

Вскоре Рерих привел в Институт посла Цейлона в СССР господина Малаласекеру, очаровательного, мягкого, полного знаний человека, считавшего своей миссией обучать нас буддийской мудрости. Он преподавал нам пали и сингальский – я изучала оба. Занятия эти и рассказы Рериха о Цейлоне, который он называл «райским садом», определили направление моих дальнейших занятий. Я читала с Малаласекерой цейлонскую эпиграфику и начала заниматься буддийскими монастырями Древнего Цейлона по данным древних надписей. Читать буддийский палийский канон, древние хроники было увлекательно. Часто мы с Малаласекерой читали палийские сутры нараспев, он к ужасу тех, кто подслушивал нас под дверями, учил нас речитативу.

Кроме этих занятий, я еще бегала в университет на уроки хеттской клинописи Вячеслава Всеволодовича Иванова. После ухода Рериха он стал моим научным руководителем.

Самыми замечательными в нашем маленьком круге были вечера, когда в институте становилось тихо, сотрудники разбредались по домам, наступали сумерки, а в нашей комнате зажигалась настольная лампа. Саша Пятигорский, Таня Елизаренкова, Октябрина Волкова, Наташа Лубоцкая и я садились поближе к столу Юрия Николаевича, и он своим тихим голосом на поразительно красивом русском языке начинал свои удивительные рассказы об Индии, о ее святых – садху, способных долго удерживать дыхание и спокойно ходить по раскаленным углям. Я помню его рассказ о том, как был арестован и посажен в камеру под замок Радхакришну – индийский святой человек, и как камера оказалась пуста, когда тюремщики ее отперли, и как этот святой дематериализовался, а позднее материализовался совсем в другом месте. «Не все может объяснить наука», – говорил Юрий Николаевич.

Я и сейчас слышу этот тихий, проникновенный голос нашего учителя, вижу его ясные, сверкающие глаза, когда он говорил о своей любимой Индии. Вижу внимательные, вдохновенные лица своих коллег и друзей, их широко открытые глаза, смотрящие на Юрия Николаевича с острейшим любопытством и восхищением, – на человека, который открыл перед нами целый новый мир и показал, что было важным, а что тривиальным, не заслуживающим внимания, что было жалким, несущественным и временным. Мы все были очарованы Индией и еще больше этим человеком – ученым и джентльменом, – первым настоящим ученым, и первым настоящим джентльменом. Он научил нас истине, уважению к мнению других людей. Сейчас, когда я вспоминаю те прошедшие

годы, я понимаю, как невероятно повезло мне. Повезло не только в том, что я встретила на своем жизненном пути с Юрием Николаевичем, но и в том, что тогда и много лет после жила в непосредственном контакте с группой таких замечательных людей, как члены рериховской группы. Они были лучшими из лучших во всех смыслах этого слова – в их любви к знанию, в их поисках истины, в их неподкупности, преданности дружбе, в их готовности пожертвовать личным успехом, оставаться честными и человечными. Мы были очень близки, всегда стояли один за всех и все за одного, помогали друг другу во всем. А времена были не легкими.

Юрию Николаевичу принадлежит не только заслуга нашего знакомства с сокровищницей подлинных знаний великих культур Востока. Своим примером он показал нам образец высокой этики, как в науке, так и в жизни вообще. Сам он был неукоснительно честен, прям и негибелен. В вопросах научной морали он никогда не знал колебаний, соображений личной выгоды, безопасности и личных удобств. Подобные вопросы, столь типичные для представителей науки в тогдашней стране социализма, для него просто не существовали.

В какой-то степени и ему повезло. Мы были невежественны, но полны серьезных устремлений. Мы готовы были, как губки, впитывать основы подлинных знаний. Мы все были очень молодые, самой старшей из нас Октябрине Волковой было 32 года. Неизвестно, что сделала бы с нами суровая действительность (и не таких отчаянных ломали), если бы провидение не послало нам человека совершенно другого склада, других представлений, другой морали, другого (уважительного) отношения к людям. Тот уровень, на котором Юрий Николаевич находился с великой простотой и естественностью, тянул нас за собой, поднимал нас, возвышал над банальным и пошлым. Мы любили Юрия Николаевича, преклонялись перед ним и понимали, что он делал из нас не просто знающих свое дело специалистов – он ковал из нас людей.

Работая в одном кабинете с Юрием Николаевичем, я становилась свидетельницей его встреч с людьми «ушедшего» поколения. Так однажды его посетил последний секретарь Толстого, знавший когда-то родителей Юрия Рериха. Я невольно слушала их неторопливый разговор и была очарована красотой русской (тургеневской) речи, мягкой, плавно текущей. Никто уже так красиво в России не говорил. Старик вспоминал былое: «Когда Ваша матушка покинула нас...». Юрий Николаевич вторил ему в том же духе.

Юрий Рерих обладал удивительно тонким чувством юмора. Когда он находил в ситуации или словах собеседника что-нибудь смешным, его слегка раскосые, всегда сверкающие глаза наполнялись смехом, иногда почти до слез. Так было, когда ушлый корреспондент какой-то газеты, ворвавшись в наш кабинет, заявил: «Мы сейчас проводим неделю свободы слова, нельзя ли взять у вас интервью?» На меня смотрели смеющиеся глаза Рериха на совершенно неподвижном лице бодхисаттвы.

Трудно представить себе, какую гигантскую работу Юрий Николаевич успел проделать за два с неболь-

шим года работы в Институте востоковедения. Об этом много написано и я повторяться не буду. Хочется заметить, что кое с чем я не могу согласиться с Пятигорским в его замечательном в целом интервью. Говоря о трагически-фарсовой истории с публикацией Дхаммапады, он называет трудности, с ней связанные «нормальными». Для нас, выросших в СССР, может быть, они и были «нормальными», ничего трагического из себя не представляющими, но для Рериха – это не так. Понять, почему древнеиндийский трактат называют религиозной, враждебной духу советского государства пропагандой, Юрию Николаевичу было совсем нелегко. Суметь спасти «арестованный» тираж только что возобновленной серии *Bibliotheca Buddhica* потребовало от него огромного напряжения душевных сил. Юрий Николаевич мог держаться невозмутимо и казаться спокойным на заседании Президиума Академии Наук, которое вел В. И. Шунков, в прошлом бывший директором Фундаментальной библиотеки АН СССР, но я-то знаю, чего ему это стоило. К тому же совсем незадолго до этого события был признан не годным для печати макет его тибетско-санскритско-английского словаря – дело многих лет его жизни.

Тем не менее никто из нас не мог предвидеть того горя, которое так неожиданно на нас обрушилось. Юрий Николаевич был еще совсем молодым человеком, быстрым в движениях, подтянутым, всегда стремительно двигающимся. Сидя в кабинете, я всегда, когда слышала быстрые, торопливые, всегда ритмичные шаги, знала, что идет Юрий Николаевич, полный новых планов и интереснейших сообщений. Когда он неожиданно и абсолютно трагически для всех нас ушел и гроб с его телом выставили в том же Белом зале для прощания, я заплаканная подошла к гробу. Мне показалось, что он мне слегка улыбнулся уголками губ. Горю нашему не было предела, и могу сказать с уверенностью, что такого болезненного трагического чувства потери я не испытывала никогда в жизни. Власти нам этого простить не могли, заместитель директора института Ульяновский, отсидевший в сталинских лагерях 17 лет и ничему так и не научившийся, с возмущением говорил: «И что разревелись, подумаешь, он был всего на всего буржуазный ученый».

После кончины Юрия Николаевича его брат Святослав Николаевич передал институту все содержимое его домашнего кабинета (кроме картин отца) – тысячи книг, бесценные свитки тибетских рукописей, предметы искусства, танки. В один прекрасный день все эти сокровища были привезены в ящиках. Мы, Наташа Лубоцкая, Юра Цыганков и я, работали в поте лица – книги были расставлены, сделаны витрины для рукописей и предметов искусства (их держали под замком); сделали и повесили большой портрет Юрия Николаевича. Тот же Ульяновский скандалил и требовал, чтобы портрет сняли: «Развели тут культ буржуазного ученого, да еще и буддиста!» (Ульяновский и иже с ним считали, что Рерих всех нас обратил в буддизм). Мы, однако, не сдавались. Юра Цыганков нашел свое призвание. До ухода в отставку он оставался цербером – верным и строгим хранителем того, что считал святыней.

Институт переехал в новое здание, Цыганков ушел на пенсию и, как с невероятной горечью писала мне незадолго до своего ухода Таня Елизаренкова, многие рериховские книги и редчайшие, драгоценнейшие руко-

писи безжалостно растащили и разокрали. На этой печальной ноте я должна закончить свои краткие воспоминания о благословенных днях прошлого.

Заседание в кабинете Ю. Н. Рериха
1960-е годы

Первый ряд (слева направо):
И. М. Кутасова, неустановленное лицо,
Н. Ю. Лубоцкая
Второй ряд: П. Ф. Беликов,
И. М. Богданова, неустановленное лицо,
М. П. Бабкина, А. Я. Сыркин
Третий ряд: В. А. Богословский,
Ю. М. Цыганков, Е. С. Семека,
А. Герасимов
Четвертый ряд: В. С. Дылыкова

Александр Сыркин. Израиль

ИЗ ПРОШЛОГО

Трудно назвать эти строки воспоминаниями о Ю. Н. Рерихе – могу лишь позавидовать тем из моих коллег, которым довелось, пусть не так долго, общаться с Юрием Николаевичем, работать под его началом.

В свое время я окончил классическое отделение филфака Московского государственного университета (ранним моим увлечением была античность, следующим – Древняя Индия, и диплом я писал по санскриту).

К концу 1950-х гг. обстоятельства сложились так, что я завершал исследование по византийскому эпосу в Институте истории Академии Наук. Я чувствовал, что Индия берет верх, уделял ей все больше внимания и хотел перейти на работу в Институт востоковедения (тогда – Институт народов Азии). Там как раз был создан сектор истории индийской религии и философии – им и руководил Ю. Н. Рерих, вернувшийся из Индии в Россию в 1957 году.

Имя его отца, художника, говорило мне о многом. Я давно уже обладал альбомом Николая Константиновича Рериха, изданным музеем Рериха в Риге, в 1939 году. Не могу, разумеется, судить профессионально – скажу лишь, что Николай Рерих, на мой взгляд, в высокой степени обладал даром внушения, способностью вызывать своими произведениями духовно-религиозные переживания (как христианские, так позже – и буддийские). В этом отношении он стоит для меня в ряду таких замечательных своих современников, как Михаил Нестеров, Жорж Руо – речь здесь отнюдь не идет об индивидуальной художественной манере. Добавлю, что впоследствии мне довелось побывать в нью-йоркском музее Рериха, а уже в 1990-е годы, оказавшись в Тибете, я во многом по-новому стал воспринимать тибетскую тематику художника, которую всегда хорошо помнил.

В 1959 году я встретился с Юрием Николаевичем. Разговор шел о предстоящем моем переходе в Институт востоковедения – именно в его сектор, о теме, над которой я уже начал работать (Упанишады). Он с одобрением отнесся к моим планам; главное же, что запомнилось от этой беседы, скорее деловой, – светлое ощущение доброжелательности, мягкости, внутреннего покоя и равновесия.

Сочувственному этому общению – тому, что Тютчев уподобил благодати, – судьба не дала продолжиться. Когда я перешел в Институт востоковедения, Юрия Николаевича (и, понятно, его сектора) уже не было. Он скоропостижно скончался весной 1960 года. Его земной путь омрачили в конце жизни испытания советской «сансарой», к которым предшествующий опыт вряд ли мог его подготовить. Впрочем, подобные испытания, как о том уже писали, были лишь естественны и во многом предсказуемы: вспомним участь (а то и мартиролог) ряда буддистов и буддологов – и до, и после тех лет.

Мне суждено было до 1977 года трудиться над своими работами в стенах кабинета, носящего его имя, в окружении книг его библиотеки, многие из которых так и остались бы недоступными для невыездного. И хотя окружающая действительность, далеко не всегда благоприятная, неизбежно вторгалась в эти стены (говорю о 1960–1970-х годах и о старом помещении Института в Армянском переулке), особая, «рериховская» атмосфера кабинета не исчезала. Таким – со своим «лица необщим выраженьем» – он и поныне с благодарностью хранится в моей памяти.

Иерусалим.
Январь, 2014 год